

ДЖОЗЕФ С.

ФЛЕТЧЕР



Джозеф С. Флетчер
(1863–1935) –
английский писатель, поэт,
автор исторических романов,
публицистических очерков и эссе.
Но настоящую славу Флетчеру
принесли его детективы, которыми
зачитывались миллионы.
Президент США Вудро Вильсон,
имевший докторскую степень
по филологии, прочитав
«Убийство в Миддл-Темпл»,
назвал эту книгу лучшим
детективом, который ему
приходилось читать.



JOSEPH SMITH

FLETCHER



.....
THE PARADISE
MYSTERY
.....

ДЖОЗЕФ С.

ФЛЕТЧЕР



.....

ТАЙНЫ РАЙЧЕСТЕРА

.....



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Ф71

Серия «Золотой век английского детектива»

Joseph Smith Fletcher
THE PARADISE MYSTERY

Перевод с английского *И.Л. Моничева*

Компьютерный дизайн *В.Е. Половцева*

Флетчер, Джозеф С.

Ф71 Тайны Райчестера : [роман] / Джозеф С. Флетчер ; [пер. с англ. И. Л. Моничева]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-104559-3

В провинциальный городок Райчестер, славящийся своим великолепным средневековым собором, прибывает множество туристов, и однажды одного из них, Джона Брэйдена, находят мертвым неподалеку от церковных стен. Случайный свидетель утверждает, что его столкнули с лестницы. Полиция начинает расследование, но неожиданно при странных обстоятельствах погибает и свидетель преступления...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-104559-3

© Перевод. И.Л. Моничев, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава первая

ВСЕГО ЛИШЬ ОПЕКУН

Американские туристы, основные ценители древнего и живописного в старой доброй Англии, неизменно замирают, затаив дыхание, словно при виде чуда, когда проходят через полуразрушенные ворота, ведущие на территорию, прилегающую к кафедральному собору в Райчестере. Нигде больше во всей Англии не царит такая преисполненная просветленного покоя атмосфера. Их глазам открывается вид на возвышающийся в центре обширного, покрытого травой пространства, которое носит название Клоуз, окруженный высокими вязами и гигантскими буками собор тринадцатого века. Его высокий шпиль пронзает небо, а вокруг него с вечными призывными криками кружат черные грачи. Под патиной времени камни кажутся будто покрытыми тонкой, как кружева, резьбой, а их цвет меняется от серого к пурпурному. Массивная солидность большого нефа и трансептов впечатляюще контрастирует с конусообразным шпилем, постепенно сужающимся и уходящим в такую

высь над окнами хоров и угловыми башенками, что в самом конце он различим лишь как тонкая линия на фоне неба. И утром, и днем, и вечером здесь господствуют тишина и умиротворение; причем не только на территории самого храма, но и в причудливых старинных домах. Их стены фактически образуют ограду собора. Лишь немного менее древние, чем само массивное сооружение, на которое выходят увитые плющом окна, дома наводят наблюдателя на мысль, что если есть в мире место, где жизнь протекает плавно и размеренно, то находится оно именно здесь. За высокими фронтонами, за окнами со средниками на старинный манер, за красивыми и тоже очень старыми садами, раскинувшимися между каменными портиками и лежащими в тени вязов лужайками, можно вести ничем не омрачаемое и приятное существование. Даже улицы исторического центра города, по другую сторону от местами осыпавшихся ворот, кажутся порой чем-то далеким и чуждым.

В одном из самых старых домов, наполовину скрытом деревьями и кустами площади перед собором, ясным майским утром собрались за завтраком трое. Комната, где они расположились, соответствовала древности дома и всего его окружения — удлиненная, с низким потолком, с дубовыми панелями по стенам и дубовыми балками, на которых лежала кровля; старинная мебель, картины, книги — антикварную обстановку скрашивали лишь большие букеты цветов в фарфоровых вазах. Сквозь широкие окна, распахну-

тые настезь, открывался живописный вид на сад, а сквозь листву проглядывал камень западного крыла собора, мрачноватого сейчас в серой тени. Но сад и пропитанную цветочными ароматами комнату ярко освещали лучи солнца, сверкавшие в серебре и в посуде накрытого стола, озарявшие лица троих людей, которые сидели за ним.

Двое из них были молоды, а третий относился к тому типу мужчин, чей возраст с первого взгляда трудно определить — рослый, гладко выбритый, ясноглазый, с привлекательными чертами умного лица, в которых угадывалась принадлежность к благородной профессии. Его любой сразу же отнес бы к представителям ученого сословия. По временам свет падал так, что ему трудно было дать больше сорока лет, но яркое солнце выдавало тот факт, что в его темных волосах уже отчетливо проглядывала седина, особенно сгустившаяся на висках. Сильный человек, проникнутый духом интеллектуального превосходства над окружающими, этот безупречно державшийся и богато одетый мужчина полностью оправдывал свое положение — практикующего врача, вращавшегося среди элиты городского общества. Он излучал довольство собой и преуспевание. И когда он просматривал пачку писем, лежавших на подносе рядом с ним, или листал утреннюю газету, можно было понять, что у него не существовало никаких проблем, кроме повседневных забот наступившего дня, а они не грозили ему какими-либо осложнениями. Наблюдая за ним в привычной обстановке домашнего уюта, где столь

многое свидетельствовало о привычке к комфорту, утонченности и даже роскоши, можно было бы прийти к выводу, что доктор Марк Рэнсфорд, несомненно, принадлежал к числу хозяев жизни, к сильным мира сего.

Вторым из троих за столом был подросток лет шестнадцати — хорошо сложенный, приятной наружности старшеклассник. Он деловито совмещал два занятия: поглощал яичницу с беконом и поджаренным ломтиком хлеба, но при этом уткнулся в учебник латыни, который развернул перед собой, воспользовавшись как подставкой старомодным серебряным графином. Его быстрый взгляд попеременно перемещался со страниц книги в сторону тарелки, и время от времени он произносил себе под нос фразы из учебника. Его компаньоны не обращали на подобную комбинацию процессов насыщения и обучения внимания. Они давно знали, что только за завтраком он мог компенсировать время, не отданное занятиям накануне вечером.

Не составляло труда заметить, что девушка лет девятнадцати или двадцати приходилась юноше сестрой. У обоих были густые русые волосы, которые у девушки имели чуть золотистый оттенок; серые глаза с проблеском голубизны; кожа лица отливала ровным румянцем; в каждом из них бросалась в глаза привлекательная внешность и отменное здоровье. При взгляде на брата с сестрой не возникало сомнений, что оба проводили много времени на свежем воздухе: юношу отличало хорошее физическое развитие и рельефная

мускулатура, а в девушке едва уловимые приметы выдавали близкое знакомство с теннисной ракеткой и клюшкой для гольфа. Вряд ли сторонний наблюдатель мог бы ошибиться, посчитав, что молодые люди состоят в кровном родстве с мужчиной во главе стола — между ними не угадывалось ни малейшего сходства ни в чертах лица, ни в цвете волос, ни в манере поведения.

Пока юноша дочитывал последние латинские параграфы, доктор листал газету, а девушка погрузилась в чтение письма — судя по крупному и размашистому почерку, обширное послание от подруги. Она была полностью поглощена письмом, когда в одной из башен собора зазвонил колокол. Услышав его, она посмотрела на брата.

— А вот и «Мартин», Дик! — воскликнула сестра. — Тебе пора поторопиться.

Много лет назад один из достойных граждан Райчестера, Мартин, завещал изрядную сумму денег настоятелю собора и его капитулу при условии, что, пока стоит собор, колокол в одной из малых башен будет звонить три минуты ровно в девять часов утра. Никто не знал, чего хотел добиться Мартин, но с тех пор колокол неизменно напоминал молодым людям, собиравшимся на работу, и школьникам, что их время почти истекло. И Дик Бьюэри молча допил свой кофе, схватил книгу, нацепил кепку, лежавшую с другими книгами на соседнем стуле, и исчез через открытое окно. Доктор рассмеялся, отложил газету и протянул через стол свою чашку.

— Не думаю, что тебе следует беспокоиться о Дике, Мэри, — сказал он. — Такие, как он, не опаздывают. Ты недооцениваешь силу и проворство ног семнадцатилетнего бегуна. Дик доберется до любого нужного места всего за четверть того времени, которое потребуется для этого, например, мне. К тому же наш проныра знает, как срезать путь в любую часть города.

Мэри Бьюэри взяла его пустую чашку и наполнила ее снова.

— Мне не нравится, что он все делает в последний момент, — заметила она. — Именно так возникают дурные привычки.

— Брось, — снисходительно отозвался Рэнсфорд. — Он, как тебе известно, не пристрастился ни к чему плохому. У меня нет даже оснований подозревать, что Дик хотя бы покурирует.

— Он не курит лишь потому, что опасается дурного влияния табака на свой рост и успехи в крикете, — возразила Мэри. — Если бы не это, Дик бы давно начал дымить.

— Для него это комплимент, — произнес Рэнсфорд. — И трудно придумать более высокую похвалу! Человек умеет сдерживать свои дурные наклонности. Превосходное качество характера и достаточно редкое, как я полагаю. Большинство людей на подобное не способны.

Он взял свою чашку со свежим кофе, встал из-за стола и открыл коробку с сигаретами, стоявшую на каминной полке. А Мэри посмотрела на него с сомнением.

— Это напомнило мне о том, что я собиралась обсудить с тобой, — сказала она. — Ты прав, говоря о людях, не умеющих сдерживать свои наклонности. Я... Мне, право, жаль, что с некоторыми обстоит именно так!

Рэнсфорд резко повернулся и окинул Мэри пристальным взглядом, заставив ее щеки покрыться густым румянцем. Она опустила голову, взяла письмо и начала нервными движениями складывать листки.

— Ты говоришь о Брайсе? — произнес Рэнсфорд.

Мэри кивнула, а на ее лице отчетливо отразились досада и брезгливость. Прежде чем продолжить, Рэнсфорд прикурил сигарету.

— Он снова взялся за старое? Не оставляет попыток надоедать тебе?

— Причем уже трижды, — ответила она. — Не хотела говорить тебе. Но что остается? Он внушает мне глубокое отвращение. Даже не знаю почему, но факт остается фактом, и ничто не способно изменить этого чувства. И хотя я объясняла ему, что все его потуги бесполезны, он снова завел разговор на данную тему вчера на приеме в саду у миссис Фоллиот.

— Какая неслыханная наглость! — воскликнул Рэнсфорд. — Что ж, тем лучше! Теперь я с ним разберусь лично. Нет смысла ходить вокруг да около в подобных вопросах. Однажды я уже сделал прозрачный намек. Но если он не понимает простых слов — тем хуже для него!

— Что ты можешь предпринять? Ты же не заставишь его уволиться и уехать?

— Если в нем осталась хотя бы капля здравого смысла, после того, что я скажу ему, он сам уйдет. И не забивай себе этим голову. Я тоже от него не в восторге. Брайс достаточно умен, из него получился неплохой ассистент, но как личность он мне не нравится. И никогда не нравился.

— Мне только не хочется думать, что мои слова могут повредить ему в работе — кем бы он у тебя ни числился, — медленно произнесла Мэри. — Возникнет ситуация...

— Не надо волноваться за него! Он легко найдет себе другое место. А мы не можем позволить ему продолжать докучать тебе. Нужно быть последним ослом! Когда я был молод...

Он вдруг осекся, повернул голову в сторону окна и стал смотреть в сад, словно его посетило некое нежданное воспоминание.

— Когда ты был молод — что, конечно же, дела давно минувших дней... — слегка поддразнивая его, промолвила Мэри. — О чем ты хотел рассказать?

— Во времена моей молодости, если женщина говорила «нет» твердо и недвусмысленно, мужчина принимал его как окончательный отказ, — заявил Рэнсфорд. — По крайней мере, так было принято среди людей моего круга. Но, как я вижу, в наши дни...

— Ты забываешь, что мистер Пембертон Брайс принадлежит к числу так называемых пробивных молодых людей, — заметила она. — И если есть что-то в этом мире, чего он не получает, то

не потому, что не приложил усилий. Но если ты считаешь, что должен поговорить с ним — а мне теперь это представляется необходимым! — скажи ему твердо: ему меня не получить. Надеюсь, от тебя, моего опекуна, он воспримет отказ как последнее слово.

— Даже не знаю, берет ли кто-либо в расчет в эти упадочные дни мнение родителей или опекунов, — усмехнулся Рэнсфорд. — Однако я сделаю все, чтобы Брайс больше не досаждал тебе. Ведь для тебя это стало предметом постоянного беспокойства, или я не прав?

— Как тут не раздражаться, если к тебе в женихи трижды напрашивается человек, которому ты прямо заявила, что не желаешь иметь с ним ничего общего. Это возмутительно!

— Хорошо, — тихо произнес Рэнсфорд. — Я поговорю с ним. Ты можешь жить, ни о чем не тревожась.

Мэри бросила на него быстрый взгляд, и Рэнсфорд отвернулся от нее, чтобы заняться своей корреспонденцией.

— Спасибо, — сказала она, — но только тебе не надо даже упоминать об этом. Я и так все знаю. Однако я хотела просить тебя рассказать мне о чем-то еще.

Рэнсфорд пожал плечами, но заметно насто-рожился.

— О чем же? Что ты хочешь обсудить?

— Может, ты наконец просветишь меня о нас — обо мне самой и о Дике? Ты обещал сделать это, помнишь? Говорил, что наступит

день... А с тех пор минул уже год. Дикю исполнилось семнадцать лет! Ему, как и мне, мало знать, что наши папа с мамой умерли, когда мы были маленькими, а тебя назначили нашим опекуном. И при этом ты столько сделал для нас! Не пора ли все расставить по своим местам?

Рэнсфорд положил на прежнее место свои письма, а потом, сунув руки в карманы, прислонился к полке над камином.

— А ты не думаешь, что лучше подождать, пока тебе не исполнится двадцать один? — спросил он.

— Почему? — удивилась Мэри. — Мне уже двадцать лет. Неужели ты думаешь, что через двенадцать месяцев я стану умнее? Разумеется, нет!

— Этого никто не знает. Ты можешь стать значительно мудрее и опытнее, чем сейчас.

— Но при чем здесь вообще мой возраст? Разве есть какая-то особая причина, мешающая все рассказать мне прямо сейчас?

Во взгляде Мэри уже читалась даже не просьба, а требование, и Рэнсфорд, конечно, ожидавший, что подобный момент неизбежно наступит, понял: она не примет его обычных отговорок. Но он все еще колебался, и она продолжила:

— Пойми же и нас. Мы ничего не знаем. Ничего вообще. Со мной ты не разговаривал, а Дик до недавнего времени оставался несмышленным, чтобы его это интересовало.

— Он начал задавать вопросы? — насупившись, поинтересовался Рэнсфорд.

— Да, приставал ко мне пару раз, — ответила Мэри. — По вполне понятным причинам. Сейчас многие шутят, что не так уж важно знать, кем являлся твой дед, но, вдумайся, мы ведь не знаем даже, кем был наш отец. Есть только имя — Джон Бьюэри. Но этого мало.

— Вам известно больше, — заметил Рэнсфорд. — Я рассказал тебе, что он был моим давним другом, деловым человеком, который, как и ваша матушка, рано умер, а я, самый близкий друг семьи, стал опекуном для тебя и Дика. Что еще я могу сообщить?

— Есть нечто, о чем я желала бы знать. Я не хочу обидеть тебя или причинить тебе боль прямотой своего вопроса. Уверена, ничего подобного пока и в голову не приходило Дику, но я все-таки на три года старше. Так вот, скажи честно: тебе приходится содержать нас за свой счет?

Рэнсфорд покраснел и снова отвернулся к окну, несколько мгновений глядя на сад и на фрагмент стены собора. А потом посмотрел Мэри в лицо.

— Нет! Все совсем не так, — сказал он. — И раз уж ты спросила, я посвящу тебя в положение дел. У вас обоих есть свои деньги, вы получите их по достижении совершеннолетия. Пока они... Короче, пока ими распоряжаюсь я. Сумма не огромная, но достаточная, чтобы покрыть ваши расходы. Когда тебе исполнится двадцать один год, я передам тебе твою часть. Затем настанет очередь Дика. Вероятно, я действительно обязан был поставить тебя в известность раньше, однако не считал вопрос насущным. Это недостаток мо-